

УДК 947

*Р.М. Гибадуллин, Н.М.-Н. Гибадуллина***ОБРАЗ ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ ВОЛГО-КАМЬЯ В РУССКОМ ИСТОРИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

Статья посвящена важной проблеме в изучении исторической самоидентификации русского общества второй половины XIX – начала XX в. – конструированию образа «другого». Проблема рассматривается на примере исторических представлений о финно-угорских народах Волго-Камья. Авторы, анализируя содержание исторических и историософских работ, выявляют, что интерпретация образа волго-камских финно-угров носила противоречивый характер, поскольку она была обусловлена столкновением имперской и либеральной ценностно-идеологических традиций в русском общественном сознании. С одной стороны, в соответствии с имперской традицией финно-угорские народы Волго-Камья рассматривались не как самостоятельный субъект истории, а лишь как объект колонизации и цивилизаторства, обречённый на неизбежную ассимиляцию. При этом колонизационные процессы идеализировались как исключительно «мирные» и прогрессивные. Такой трактовке противостоял взгляд, основанный на либеральных, гуманистических традициях русской культуры и результатах объективных научно-исторических исследований.

Ключевые слова: финно-угорские народы, русские, цивилизаторство, колонизация, ассимиляция, христианизация.

Этнополитические традиции России как многонационального сообщества стали пересматриваться в постсоветское время из-за стремления «возродить», или конструировать, идентичность её народов и их взаимодействие на новой идеологической основе. В связи с этим важно критически переосмыслить предшествующий идейный опыт не только советской, но и досоветской эпохи. В частности, интересны и недостаточно изучены этнополитические представления русского общества, свойственные ему во второй половине XIX – начале XX в., когда оно переживало модернизационные и нациестроительные процессы. Логика этих процессов, предполагавшая идеологическое конституирование русской нации, её исторической идентичности, в значительной мере определяла в общественном сознании императорской России развитие представлений о «русском мире». В советское время их изучение было односторонним и ориентировалось исключительно на выявление в них «реакционной идеологии царизма в национальном вопросе». Однако следует учитывать, что в целом они не были столь однозначно официозными. Они отражали разнообразные и противоречивые тенденции общественного развития России со свойственными ему идейными поисками в русле панславизма и евразийства, проблемой ценностного выбора между славянофильством и западничеством, «великодержавием» и либерализмом.

Сформировавшиеся к рубежу XIX–XX вв. историографические и историософские дискурсы «русского мира» сложились в противоречивую картину, которая не укладывается в определённую схему. В рамках данной статьи предлагается рассмотреть лишь один из важных аспектов в изучении дискурсов идентичности, связанный с тем, что она раскрывается через соотнесение её с понятием «другого», в роли которого по отношению к «русскому миру» часто выступал мир «инородческий». Именно поэтому его образ занимал важное место в исторической самоидентификации русского общества. При этом он отражал не только представления русских о самих себе, но и свойственные им ценностно-идеологические противоречия, в частности, состояние раздвоенности между «великодержавием» и либерализмом, научной объективностью и мифотворчеством. Так, образ «инородческого» мира, в котором виделся не самостоятельный субъект истории, а исключительно объект цивилизаторства со стороны «русского мира», выражал основанную на мифотворчестве «великодержавную» традицию. В то же время приверженность гуманистическим идеалам и стремление к научно-исторической объективности часто не позволяли последовательно развивать такой взгляд. Данная статья посвящена анализу того, как конкретно проявлялись эти противоречия, на примере освещения исторического образа финно-угорских народов Волго-Камья в работах наиболее популярных в своё время авторов.

Тема финно-угров в курсах русской истории. «Великодержавный» подход наиболее систематизировано представлен в книге «Россия и Европа» (1871) известного публициста славянофильской ориентации Н. Я. Данилевского (1822 – 1885). Написанная в жанре социально-философского эссе книга вызвала неоднозначную реакцию со стороны современников и, по признанию одних, стала «катехизисом славянофильства», а по признанию других – не заслуживающим серьёзного внимания «ли-

тературным курьёзом» [4. С. 576]. Основанием для негативной оценки послужило то, что русские, причисленные автором к «положительно-деятельным культурным типам, или самобытным цивилизациям», противопоставлялись другими народами России как не играющим никакой созидательной исторической роли. Последнее даже обосновывалось типологически. Так, тюрко-монгольские народы были отнесены к категории «отрицательных деятелей человечества», историческое значение которых заключалось лишь во «временно проявляющемся феномене» – «разрушительном подвиге», направленном на то, чтобы «помочь испустить дух борющимся со смертью цивилизациям», после чего разрушители «скрывались в прежнее ничтожество» [4. С. 89]. Наряду с этим «племена финские и многие другие, имеющие ещё меньшее значение», выделялись в категорию народов, которым, по убеждению Н. Я. Данилевского, не было «суждено ни зиждательного, ни разрушительного величия, ни положительной, ни отрицательной роли», поскольку они «составляют лишь этнографический материал» и «входят в состав исторических организмов – культурно-исторических типов», но «сами не достигают до исторической индивидуальности» [4. С. 89].

В соответствии с этой типологией народов Н. Я. Данилевский обосновывал русское «культурно-историческое» превосходство над «инородческим» миром, которое и выражала Россия, «постепенно, неудержимо <...> заселяя граничащие с ней незаселённые пространства и уподобляя себе включённые в её государственные границы инородческие поселения» [4. С. 485]. Такой идеализированной схеме мирно интегрированных Россией «незаселённых пространств» и проживавших на них народов в наибольшей мере должен был соответствовать обозначенный Н. Я. Данилевским образ финно-угров как сообщества неспособного к исторической самостоятельности и обречённого на ассимиляцию. В этой связи важно понять, в какой мере этот образ присутствовал в академических курсах отечественной истории. Сложившийся к рубежу XIX – XX вв. историографический дискурс в изучении финно-угорских народов Волго-Камья, действительно, характеризовался тем, что они рассматривались преимущественно через призму прогрессивного воздействия на них русской колонизации, которая стала составлять один из основных сюжетов в курсах отечественной истории. Однако представления об исключительно мирном характере колонизационных процессов и цивилизаторские идеи о культурном превосходстве русских переселенцев над «инородцами», как правило, декларировались, но далеко не всегда подтверждались, а часто даже опровергались приводимым фактологическим материалом.

Подобную непоследовательность и противоречивость в выражении цивилизаторских установок в отношении финно-угров демонстрировал С. М. Соловьёв (1820–1879) в своём фундаментальном труде «История России с древнейших времён» (1851–1879). Исследователь видел в колонизации финно-угорских земель исторически созидательную, цивилизаторскую миссию славян, которым как «племенам Европы завещано историею высылать поселения в другие части света, распространять в них христианство и гражданственность» [12. С. 15]. Желая подчеркнуть созидательный характер колонизационных процессов, С. М. Соловьёв настаивал на том, что они были мирными, поскольку затрагивали исключительно неосвоенные территории: «государство <...> занимало обширные пустынные пространства и населяло их» [12. С. 15]. В соответствии с этим утверждалось, что «племена славянские <...> при движении <...> на север» встречались с «племенами финскими», но, предположительно, «не очень ссорились за землю» в силу достаточного её количества [12. С. 14], по той же причине, например, в Двинской области «было не завоевание одного народа другим, но мирное занятие земли, никому не принадлежащей» [12. С. 15].

В то же время С. М. Соловьёв, следуя историческим фактам, вынужден был, по сути, опровергать собственный тезис о «мирной» колонизации «пустынных» земель. Например, он отмечал, что «везде при своих столкновениях славяне занимали возвышенные, сухие и хлебородные пространства, финны же – низменные, болотистые» [12. С. 19]. Признавалось также, что «естественное стремление северных князей вниз по Волге, к пределам Азии» остановилось уже в районе устья Оки, поскольку «нужно было вступить в борьбу с народонаселением, жившим по берегам Волги», отчего возникла «необходимость войны <...> с болгарами и мордвою» [12. С. 30]. Говоря о покорении и колонизации Прикамья, С. М. Соловьёв приводил данные о результатах военных кампаний, напоминая карательные акции: «вверх по Каме <...> взяли в плен 6000 мужчин, 15000 женщин и детей» [13. С. 635], «за 50 вёрст <...> до Вятки <...> брали в плен одних женщин и детей, мужчин всех побивали» [13. С. 637] и т.д. Таким образом, представленная С. М. Соловьёвым историческая картина взаимодействия русского и финно-угорского мира отнюдь не идеализировалась в духе мирного цивилизаторства.

Другой выдающийся русский историк В. О. Ключевский (1841–1911) придавал понятию колонизации структурообразующее для отечественной истории значение, считая, что «история России

есть история страны, которая колонизируется», а «переселение, колонизация была основным фактом нашей истории, с которым в близкой или отдалённой связи стояли все другие её факты» [6. С. 50-51]. Этому феномену В. О. Ключевский специально посвятил отдельные лекции своего «Курса русской истории» (1904–1911), подробно рассмотрев его на примере территорий верхневолжских финно-угров. В отличие от С. М. Соловьёва в трактовке русской колонизации он делал акцент не на инициации и организации её государством, а на роли народных масс, на хозяйственной деятельности русских поселенцев по освоению новых для них территорий.

Не вполне ясно, насколько В. О. Ключевский был привержен цивилизаторским представлениям о культурном превосходстве переселенцев над автохтонным населением колонизированных территорий. Несомненно, таким представлениям соответствовала характеристика, данная историком неславянскому населению «лесной и степной России», в котором он видел «соседей, <...> низших по развитию, у которых нечем было позаимствоваться» и которые не оставили в своей «стране ненасиженной и нетронутой <...> никаких житейских приспособлений и культурных преданий» [6. С. 48]. Однако этой несколько уничижительной характеристике противоречил поставленный В. О. Ключевским вопрос о том, «как встретились и подействовали друг на друга русские пришельцы и финские туземцы в области Верхней Волги» [6. С. 309]. Отвечая на него, историк признал, что «из этой встречи вышла <...> смесь», которая определила не только «антропологический тип великоросса», но и его духовный уклад, так как она «легла в основание мифологического мировосприятия великороссов» [6. С. 310]. Причём этот вывод основывался на подробном этнографическом анализе финно-угорских мифов, воспринятых русским народом.

Образ финно-угров Волго-Камья в историко-этнографических трудах. Образ финно-угорских народов Волго-Камья, формировавшийся в результате историко-этнографического изучения региона местной русской научной общественностью, также был противоречив. В этом отношении показателен опыт исследований по финно-угристик в Казанском университете, где на её развитии сказывалось влияние разнонаправленных факторов. С одной стороны, казанские учёные-историки, в отличие от своих столичных коллег, имели более тесное знакомство с историей края и, вероятно, большую заинтересованность в её объективной разработке. С другой стороны, господствовавший в крае дух официально проводившегося активного прозелитизма обусловил здесь особую актуальность соответствующих общественно-исторических идей. Их публичной манифестацией можно считать, например, речь, произнесённую на торжественном собрании Императорского Казанского университета 5 ноября 1889 г. профессором Д. А. Корсаковым «Об историческом значении поступательного движения великорусского племени на Восток». В ней с позиций цивилизаторского превосходства «великороссов» обосновывалась их «способность племенного (т. е. этнического. – прим. авт.) торжества над инородцами» [7. С. 11]: «Мы <...> распространяем основы гражданственности среди инородцев Поволжья. <...> Наша культура выше их. Мы распространяем среди них православие, ассимилирующее их к оседлости, постепенно прививая к ним культуру земледельческую» [7. С. 49]. Несомненно, подобные представления о цивилизаторской миссии Казанского университета предписывались ему на официальном уровне. Так, министр народного просвещения и обер-прокурор Святейшего Синода Д. А. Толстой в своём выступлении в зале университета в сентябре 1866 г., имея в виду «инородцев», говорил: «Всё это дико и невежественно», поэтому необходимо «просвещение этих восточных племён, а за ними и дальнейшего Востока. Вот достойные России завоевания на Востоке – завоевания цивилизации» [5. С. 513].

Тем не менее, наряду с цивилизаторскими идеями, озвучиваемыми в стенах Казанского университета, в трудах его учёных-историков воссоздавалась вполне объективная картина исторической жизни финно-угорских народов Волго-Камья в период русской колонизации в XVI–XIX вв. Ярким примером противоречивого сочетания официозных установок и научной объективности являются работы историка-этнографа И. Н. Смирнова (1856–1904), положившие начало местной финно-угристик: «Черемисы» (1889), «Вотяки» (1890), «Пермяки» (1891), «Мордва» (1895). Эти работы, едва ли не впервые представившие масштабную историческую картину взаимодействия русских и финно-угров на территории Волго-Камья, были отмечены большой золотой медалью Русского Географического общества и премией Академии наук [1. С. 34]. Основные выводы И. Н. Смирнова вполне укладывались в русло теории Н. Я. Данилевского о том, что ассимиляция финно-угров – исторически неизбежный процесс, обусловленный их «природной» неспособностью сохранять свою самобытность перед лицом русского культурного влияния. Отсюда повторявшиеся рефреном во всех работах прогнозы об исчезновении в недалёкой исторической перспективе финно-угорских этносов: «черемисы (т. е. мари. – прим. авт.) <...> сольются с русским населением, <...> это дело будущего»

[11. С. 74], «история направила пермский народ (т.е. коми-пермяков. – **прим. авт.**) <...> на путь слияния с русским народом» [10. С. 151] и т.д.

И. Н. Смирнов воспринимал ассимиляцию в духе позитивистских и социал-дарвинистских представлений как выражение «естественного отбора» народов и культур в их «борьбе за существование» и исторический прогресс [1. С. 123]. При этом учёный верил, что неутешительные перспективы «инородцев» в России определялись не столько государственной политикой, сколько особой «ассимилирующей способностью русского народа» [11. С. 74]. Например, анализируя неэффективность «мер государства для ассимиляции черемис» [11. С. 1] или «ассимилирующей деятельности русского правительства» в отношении «вотяков» (т.е. удмуртов – **прим. авт.**) [8. С. III], историк приходил к выводу, что «гораздо богаче по своим результатам» была «ассимилирующая деятельность русских общественных сил» [11. С. 60], под которыми понимались, прежде всего, крестьяне-переселенцы. Согласно И. Н. Смирнову, «ассимиляция совершалась самой жизнью, помимо всяких предписаний», и «русифицировал вотяков, как и черемис, не чиновник, а колонист», «в силу этого одного уже русская колонизационное движение в крае заслуживало глубокого внимания историка» [8. С. 71].

Успех русского культурного влияния на финно-угров И. Н. Смирнов связывал не только с более развитой хозяйственной культурой крестьян-колонистов, но и с особой притягательностью их менталитета, которая выражалась в почти мистическом «воздействии одного национального характера на другой». Идеализированная картина такого одностороннего воздействия представлена, например, в следующей зарисовке: «Разделяя с русским человеком общее меланхолическое настроение, черемисин сам по себе не способен моментами сбрасывать с себя его тяжесть и проявлять свою жизнерадостность в коротких, но буйных взрывах – в размашистой, бесшабашной песне и удалой пляске», поэтому, «встретивши у русского и то, и другое, он поддался захватывающему влиянию» [11. С. 76]. Или, например, явно утрированное представление о полном культурном подавлении финно-угров выражалось в признании того, что «русский крестьянин для пермяка идеал, он копирует его даже в мелочах, в походке, в одежде, в постройках, во всём» [10. С. 176]. Наиболее же реалистичное объяснение «духовным качествам русских людей», предопределившим их культурное преобладание, заключалось в том, что «образовавшееся главным образом из беглых крестьян и раскольников русское население Заволжья представляло массу, в которой было более сильных характеров, духовных потребностей, <...> духа прозелитизма» [9. С. 108].

Конечно, ассимиляция финно-угров не сводилась И. Н. Смирновым лишь к межэтническому взаимодействию или, точнее, к культурному обаянию русских переселенцев. Более глубокие её причины он видел в политико-экономических реалиях, определявших положение финно-угорских народов в Российской империи. Так, главным фактором их ассимиляции И. Н. Смирнов считал не официально осуществлявшуюся миссионерскую деятельность, а живое взаимодействие русских и финно-угров в процессе их совместного проживания в непосредственном соседстве, в том числе в этнически смешанных поселениях. Однако появление и развитие такого соседства, постепенно приводившее к численному преобладанию русских, рассматривалось не как стихийный процесс, а как объективное следствие проводившейся государством социально-экономической политики. Наиболее подробно это показано И. Н. Смирновым на примере «обрусения мордвы». По его мнению, оно в значительной мере происходило именно благодаря размыванию моноэтнического массива традиционного проживания народа и превращению его в отдельные «острова», обречённые «не долго сохранять свою национальную обособленность» [9. С. 112]. Такая ситуация для мордвы была обусловлена их социально-экономическим и правовым положением, в частности, «передачей вотчин мордовских князей русским помещикам и монастырям», которые «привлекали на мордовские земли русских колонистов» [9. С. 106], а также непосильным налоговым гнѐтом, заставлявшим «тяглую мордву <...> припускать к себе русских беглых крестьян» [9. С. 107]. Кроме того, отрыв от родных мест и перемещение в чуждую среду значительных групп мордвы, могло быть вызвано либо их рекрутированием для несения службы в «сторожевых пунктах», «казачьих постах», либо крайним «малоземельем, которое заставляло громадными артелями уходить за Волгу и в Астрахань» [9. С. 111]. Те же политико-экономические факторы, по мнению И. Н. Смирнова, предопределяли и ассимиляцию коми-пермяков, в которой поворотным моментом стало их закрепощение и захват их земель в XVI–XVII вв. кланом промышленников Строгановых [10. С. 159-170].

Видя историческую будущность финно-угров, главным образом, в их едва ли не добровольном растворении в русском народе, И. Н. Смирнов тем не менее показал и свойственное им стремление к самосохранению, различные активные и пассивные формы протестной реакции на возрастающее русское присутствие и на колонизацию в целом. Представленный на эту тему материал не позволяет го-

ворить о наличии в истории какого-либо из этносов устойчивой общенациональной традиции сопротивления колонизации. Оно носило в целом спорадический, очаговый характер и, очевидно, было обусловлено не столько собственно межэтническим взаимодействием, сколько социально-экономическим гнѐтом, ощущавшимся в равной мере и русским населением. И всё же И. Н. Смирнов обратил внимание на то, что колонизация несла финно-уграм дополнительные бедствия: вытеснение с насиженных земель и насильственную христианизацию, которые вместе с чиновничьим и помещичьим произволом и вызывали массовое, в том числе, вооружѐнное сопротивление [2].

Не везде оно проявлялось одинаково. Например, в средневожском регионе русская колонизация в XVI – XVIII вв. сопровождалась почти не прерывавшимися восстаниями мордвы и мари («черемис») [2], а в Прикамье она, по мнению историка, носила относительно мирный характер. Однако И. Н. Смирнов показал, что противостояние финно-угров колонизации и ассимиляции происходило, даже когда объективные условия не позволяли им прибегать к военным методам. Именно это имело место у удмуртов («вотяков»), которые в силу своей малочисленности быстро исчерпали возможности вооружѐнного сопротивления. Так, если сначала «вотяки боролись вместе с черемисами против русского владычества» и даже совместно сражались при обороне «земляного городка» на реке Меше (1573 г.), то «потом они отделились от черемис и, оставивши их бороться против русской власти, удалились в Вятку» [8. С. 60], где «лучше ровы и валы защищали вятское племя от русских дремучие леса» [8. С. 61], где «вотьяк наслаждался полной независимостью» [8. С. 76]. По крайней мере, вплоть до XVIII в. часть удмуртов оставалась вне государственного контроля, не платила налогов и пошлин, не выполняла тяжѐлых повинностей. Очевидно, уход удмуртов в леса был для них наиболее рациональной стратегией не только социально-экономического выживания, но и сохранения себя как этноса, по выражению И. Н. Смирнова «национально-консервативным движением», которое «имело своей целью ограждение самобытности от вторжения чуждых русских элементов» [8. С. 76].

Представленные И. Н. Смирновым материалы свидетельствовали также о том, что ассимиляция финно-угров Прикамья не была лёгким и однозначно успешным делом, прежде всего, в силу их этнокультурной устойчивости. Например, несмотря на государственные меры по христианизации удмуртов, они в течение длительного периода оказывались способными сохранять свои этнорелигиозные традиции. Исследователь с сожалением констатировал, что использовавшиеся в качестве основной мотивации для обращения в православие освобождение от рекрутчины и предоставление льгот в отношении податей – все эти и другие «усилия государственной власти, направленные к тому, чтобы сблизить вотяков с русскими на почве религиозной, не сопровождались желанным успехом» [8. С. 70].

Заключение. Несомненно, отмеченные противоречия в конструировании исторического образа волго-камских финно-угров отражали влияние разных идеологических традиций. С одной стороны, этот образ был составной частью имперского дискурса, призванного обосновать цивилизаторские представления об отсутствии у «инородцев» собственной исторически созидательной роли, о закономерном, прогрессивном и мирном характере направленного на них колонизационного и ассимилирующего воздействия. С другой стороны, социально негативные аспекты этого воздействия подвергались критике с научных и гуманистических позиций, а также признавалось устойчивое стремление финно-угорских народов сохранить свой этнокультурный потенциал. Как мы убедились, эти, в сущности, трудносовместимые подходы, вполне могли сочетаться в том или ином авторском тексте, создавая ощущение определённого компромисса. Но это не отменяло заключѐнного между ними непримиримого ценностно-идеологического противоречия, которое достаточно отчётливо проявлялось в общественной жизни.

Так, принципиальное столкновение противоположных взглядов на «инородческий» мир вызвал получивший общероссийскую известность судебный процесс по «Мултанскому» делу (1892–1896 гг.) [3]. Ложное обвинение удмуртских крестьян-язычников в ритуальном убийстве в представлении клерикальных кругов должно было стать поводом к усилению христианизаторской политики в отношении финно-угров. Однако демократически настроенные общественные деятели, обеспечившие в ходе продолжительного судебного разбирательства защиту и противостоявшие развязанной в прессе обвинительной кампании, добились оправдания удмуртских крестьян. Эта победа в суде имела большое общественное и историческое значение. Она не только разоблачала ложный образ, порочивший этнорелигиозные традиции удмуртского народа, но и показала способность русской общенности, объединившей усилия известных юристов, писателей, учёных, публицистов, священнослужителей (А. Ф. Кони, В. Г. Короленко, В. М. Михайловский, П. Н. Луппов, Г. Е. Верещагин и др.), преодолевать навязываемые официозом фобии в отношении «инородцев». Наконец, она свидетельствовала о наличии либерального и демократического направления в формировавшейся на рубеже XIX–XX вв. этнополитической традиции России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гибадуллина Н. М.-Н., Гибадуллин Р. М.* Историк и этнограф И. Н. Смирнов – «забытый ученый» Казанского императорского университета. Набережные Челны, 2013.
2. *Гибадуллина Н. М.-Н., Гибадуллин Р. М.* Проблема исторического взаимодействия русских и средневожских финно-угров в трудах И. Н. Смирнова (1856–1904 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2014. № 7 (45): в 2 ч. Ч. 2.
3. *Гибадуллина Н. М.-Н., Гибадуллин Р. М.* Профессор И. Н. Смирнов в Мултанском процессе: «триумф» и трагедия ученого // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов. 2013. № 5 (31): в 2 ч. Ч. 2.
4. *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа / сост., послесловие и комментарии С. А. Вайчева. М., 1991.
5. Казань в её прошлом и настоящем. Очерки по истории, достопримечательностям и современному положению города, с приложением кратких адресных сведений с 8-ю видами / сост. М. Пинегин. Казань, 2005.
6. *Ключевский В. О.* Сочинения: в 9 т. / под ред. В. Л. Янина. М., 1987. Т. 1, ч. 1.
7. *Корсаков Д. А.* Об историческом значении поступательного движения великорусского племени на Восток. Речь, произнесённая на торжественном собрании Императорского Казанского университета, 5 ноября 1889 г. Казань, 1889.
8. *Смирнов И. Н.* Вотяки. Историко-этнографический очерк. Казань, 1890.
9. *Смирнов И. Н.* Мордва. Историко-этнографический очерк. Казань, 1895.
10. *Смирнов И. Н.* Пермьяки. Историко-этнографический очерк. Казань, 1891.
11. *Смирнов И. Н.* Черемисы. Историко-этнографический очерк. Казань, 1889.
12. *Соловьёв С. М.* История России с древнейших времён. Москва; Харьков, 2001. Кн. 1.
13. *Соловьёв С. М.* История России с древнейших времён. Москва; Харьков, 2001. Кн. 3.

Поступила в редакцию 02.02.15

R.M. Gibadullin, N.M.-N. Gibadullina

IMAGE OF THE FINNO-UGRIC PEOPLES OF THE VOLGA-KAMA REGION IN THE RUSSIAN HISTORICAL CONSCIENCE AT THE END OF THE XIX – THE BEGINNING OF THE XX CENTURIES

The article is dedicated to the important problem in the study of the historical identity of the Russian society at the second half of XIX – early XX centuries – constructing an image of the “other”. The problem is considered on the example of the historical perceptions about the Finno-Ugric peoples of the Volga-Kama region. The authors, analyzing the content of historical and historic-philosophical works, reveal, that the interpretation of the image of the Volga-Kama’s Finno-Ugric peoples were controversial, because it was due to a collision of imperial and liberal values and ideological traditions in the Russian public consciousness. On the one hand, according to the imperial tradition Finno-Ugric peoples of the Volga-Kama region were regarded not as an independent subject of history, but only as an object of colonization and civilizing, doomed to inevitable assimilation. This colonization processes were idealized as exclusively “peaceful” and progressive. On the other hand, there was opposed view, based oneself upon liberal, humanistic traditions of Russian culture and the results of objective scientific historical research.

Keywords: the Finno-Ugric peoples; the Russians; civilizing; colonization; assimilation; Christianization.

Гибадуллин Рустам Марсельевич,
кандидат исторических наук, доцент кафедры
социально-гуманитарных наук

Набережночелнинский институт (филиал) Казанского
федерального университета
423800, Россия, г. Набережные Челны, пр. Мира, 69
E-mail: nafisagi@gmail.com

Gibadullin R.M.
Candidate of History, associate professor,
at Department of social sciences and humanities

Naberezhnye Chelny Institute (branch)
of the Kazan Federal University
423800, Russia, Naberezhnye Chelny, prosp. Mira, 69
E-mail: nafisagi@gmail.com

Гибадуллина Нафиса Мухамит-Назиповна,
кандидат исторических наук, доцент кафедры
философии и социально-политических дисциплин

Набережночелнинский филиал Института экономики,
управления и права
423800, Россия, г. Набережные Челны, пр. Вахитова, 4
E-mail: nafisagi@gmail.com

Gibadullina N.M.-N.,
Candidate of History, Associate Professor
at Department of philosophy and socio-political sciences
Naberezhnye Chelny branch of the Institute of Economics,
Management and Law
423800, Russia, Naberezhnye Chelny, prosp. Vakhitova, 4
E-mail: nafisagi@gmail.com